

Методологические и теоретические проблемы психологии

© 1997 г. В.В. Знаков

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ПРАВДЫ В ЭТИКЕ И. КАНТА, НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЕВА И СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

*Такой правды, которая принадлежала
бы единичному человеку, не существует,
не ты повелеваешь ей, а она тобой.*

И.Г. Фихте

В статье анализируются представления И. Канта, В.С. Соловьева и современных ученых о психологических механизмах понимания правды. У Канта морально-правовой способ обсуждения проблемы: истоки высказывания субъектом правды он искал в обязанностях гражданина перед обществом, в рациональном априорном понятии долга. У Соловьева, разработавшего трехкомпонентную структуру правды, способ обсуждения проблемы преимущественно субъективно-нравственный: основное внимание он уделял анализу нравственного сознания человека, говорящего правду. Современные психологи, развивая научные представления великих предшественников, анализируют гносеологический, аксиологический и практический аспекты понимания правды.

Ключевые слова: понимание, нравственное сознание, трехкомпонентная структура правды.

В последние годы в России в гуманитарных науках наблюдается повышенный интерес к проблеме соотношения истины и правды. Например, раздаются голоса философов в защиту точки зрения, в соответствии с которой категорию истины следует применять только в методологии естествознания, а понятие правды – в методологии общественных наук [22, с. 116–117]. Лингвисты подчеркивают, что "правда" дает истинностную оценку конкретным утверждениям о жизни людей, "истина" – общим суждениям о Вселенной и религиозным представлениям о сущности мира [2, с. 18]. Психологи высказывают мнение, что истина представляет собой категорию логики и теории познания, а правда – категорию психологии понимания. Истина отражает соответствие наших знаний о мире самому миру. В общении любое правдивое высказывание субъекта выражает не только соответствие сказанного действительности, но и его этическое отношение к партнерам [9, с. 17].

Интерес к указанной проблеме отражает стремление ученых осмыслить глубинные основания жизни человека и понять причины перемен, происходящих в современном мире в целом и российском обществе в частности. Вопрос *что есть истина?*,

заданный Понтием Пилатом Иисусу Христу, относится к самой сути человеческого бытия. Неудивительно, что он представляет собой фундаментальную проблему теории познания. Философы и психологи анализируют ее с двух основных, но тем не менее различных точек зрения. Первые прежде всего интересуют: какой смысл имеет само понятие истины? Вторые стремятся понять, какие представления, мнения, суждения субъектов познания и общения являются истинными и какие ложными, а также от каких психологических факторов зависит характер понимания людьми истины и правды?

Осуществляя научный анализ феномена правды, психолог должен различать две стороны проблемы: как люди *понимают* правду и как они *ведут себя* (часто ли в общении говорят правду или ложь и обман). В отечественной психологии личности и возрастной психологии поведенческий аспект проблемы нередко сводится к изучению правдивости как черты характера человека. Например, в интересной диссертации Е.Г. Беляковой выделяются четыре аспекта правдивости (традиционные для психологических исследований характера и свойств личности). Первый аспект – правдивое поведение, то есть добровольное следование норме правдивости, даже если ее нарушение сулит человеку определенные выгоды при безнаказанности его действий. Второй аспект связан с мотивационно-потребностной сферой личности, определяющей правдивое отношение к другим людям. Третий аспект – когнитивный, включающий моральные знания, представления и суждения, связанные с нормой правдивости. Наконец четвертый аспект – это переживание собственной или чужой правдивости в плане самосознания при нарушении или, наоборот, следовании нравственной норме [4, с. 38]. Однако как психологические исследования, так и реальная жизнь показывают, что прямая зависимость между пониманием субъектом правды и следованием принципам правдивости в конкретных коммуникативных ситуациях отсутствует. Вследствие этого среди западных психологов распространено мнение, что "изучение правдивости как личностной характеристики оказалось непродуктивным" [30, с. 213].

В психологии понимания проблема правды ставится иначе: исследователей интересуют прежде всего интенциональные аспекты понимания правды, а также когнитивная и моральная оценки сходства и различия содержания истины и правды. Поведенческие аспекты феномена правды при таком ракурсе рассмотрения проблемы оказываются несущественными.

Цель статьи – проанализировать наиболее значимые историко-научные тенденции изучения проблемы понимания правды и соотнести их с перспективными направлениями современных психологических исследований.

* * *

Работы современных ученых опираются на философские и культурные традиции, уходящие корнями в средневековье. Отражение различий в содержании понятий истины и правды можно найти еще в творениях Блаженного Августина [1, 26], но в аналитически ясном виде они представлены в трудах гениального Канта. Он разделял теоретическое знание (результат познания того, что существует) и практическое – знание, "посредством которого я представляю себе, что должно существовать" [13, с. 545–546]. Соответственно об истине он много размышлял в своей теории познания (вершиной которой является "Критика чистого разума" [13]), а правда, по Канту, – объект познания практического разума, предмет нравственной философии. Анализ проблем правды и правдивости посвящены многие страницы его этических сочинений [14, 15, 25, 27].

Для Канта понимание правды – это проблема анализа не внутреннего мира говорящего (его установок, целей, знаний, ценностных ориентаций), а способа соотнесения любого правдивого высказывания с обязательным для каждого человека долгом, с априорными моральными нормами. Кант ищет прежде всего мотивационную сторону высказывания: что побуждает человека говорить правду. И он находит

этот источник не в конкретном субъекте, а в априорных нормах нравственности, долге. Хотя такие нормы и называются моральными, по существу они имеют правовой характер. Канта интересует только одно: говорит человек правду, повинаясь исключительно долгу (и тогда и только тогда он поступает нравственно), или руководствуется иными мотивами. В последнем случае, как бы ни были благородны мотивы субъекта, его поведение не соответствует критериям нравственности.

Допустим, врач пожалеет безнадежно больного, постоянно думающего о том, чтобы его невыносимые страдания как можно скорее закончились. Доктор скажет больному правду: ему недолго осталось мучиться. По Канту, такой поступок не имеет ничего общего с правдивостью как чертой характера подлинно честного человека. Ведь поступок врача был продиктован не долгом, а состраданием, т.е. одной из человеческих "слабостей". Кант ясно осознает, что поступок сам по себе совсем не плох, а может быть, даже и хорош, — но не следует выдавать его за моральный!

В кантовском понятии долга в концентрированном виде выражена идея необходимости ориентации каждого члена общества на нравственно общее (способность человека предъявлять к себе и другим одинаковые моральные требования), то есть на то, что принципиально отлично от "материи желания". Оценка человеческой деятельности как нравственной или, наоборот, безнравственной не может основываться только на психологических побуждениях субъекта, потому что последние могут изменяться. В частности, человек сегодня может подавать милостыню из сострадания, а завтра по каким-то причинам возненавидеть всех нищих. Когда поступок совершается исключительно по склонности, без осознания субъектом долга или обязанности, то он не имеет нравственной цены. В этом случае, по Канту, поступок можно рассматривать как случайный психологический факт, не имеющий никакого всеобщего, объективного значения. Нравственными наши действия становятся только тогда, когда они основаны на разумном убеждении, уважении к нравственному долгу. Многим это покажется парадоксом, но если человек ненавидит нищего и, тем не менее, считая, что помогать сирым и убогим — обязанность каждого добродетельного христианина, подает ему милостыню, то он поступает нравственно.

В житейском смысле немецкий философ не был идеалистом: он ясно понимал, что в реальной жизни невозможно указать хотя бы на один поступок человека, про который с уверенностью можно утверждать, что его мотивация исключает какие-нибудь эмпирические побуждения, "материю желания". Однако это обстоятельство ничуть не уменьшает объективного значения нравственного долга, так как он должен выражать не то, что бывает, а то, что должно быть. По Канту, моральные нормы предписывают следующему им человеку не цель, не конкретное содержание деятельности, а только определенную форму — форму всеобщей законосообразности. Вследствие этого для решения вопроса, принадлежит ли обсуждаемый поступок к числу нравственных или безнравственных, надо всегда смотреть, мог ли бы он стать всеобщим законом поведения человека в обществе. Если это окажется возможным, то он будет нравственным, в противном же случае — безнравственным.

Н.О. Лосский, анализируя взгляды Канта, пишет: «Примеры ... легко найти, рассматривая нарушения правила "не лги". Кант, сторонник ригористической морали, не допускает никаких исключений из этого правила, даже и взятого в его отвлеченной всеобщности. В статье "О мнимом праве лгать из любви к человеку", рассматривая вопрос даже и не с нравственной, а с правовой точки зрения, он говорит: "Правдивость в высказываниях, которых нельзя избежать, есть формальный долг человека в отношении к каждому человеку, хотя бы и могли возникнуть от нее вредные последствия для него и для других". Этот долг Кант обосновывает указанием на то, что ложь подрывает доверие к высказываниям, а, следовательно, и ко всем правилам, основанным на договоре. Таким образом, по мнению Канта, даже и в том случае, когда убийца спрашивает, в нашем ли доме друг наш, которого он хочет убить, мы обязаны сказать правду» [19, с. 189].

Многие философы, среди которых немало русских (см., например, [6, с. 67]),

критиковали немецкого мыслителя за то, что в его интерпретации нравственный закон оказывается чисто формальным – не зависимым от конкретного морального содержания поведения человека, а также моральных оценок его поступков, которые могут быть даны разными людьми. Однако обвинения Канта в ригоризме и формальном характере его этики нельзя признать справедливыми. Великий немецкий мыслитель отчетливо осознавал различия между моралью как формой сознания современного общества (несовершенного во многих отношениях) и нравственным статусом индивида, к достижению которого он призывал стремиться всех людей [15]. Он понимал также, что правдивое высказывание как моральный поступок субъекта нередко противоречит аморальной практике окружающей действительности. Но следование долгу – не рабское подчинение законам общества, а, наоборот, проявление собственной воли нравственно зрелого индивида, высшее проявление человеческой субъективности. На первый взгляд это может показаться парадоксом, но по Канту, "нравственная свобода личности состоит в осознании и выполнении долга" [8, с. 162].

Этические воззрения Канта с пониманием и сочувствием были восприняты многими западными мыслителями (такими, как И.Г. Фихте – см. эпиграф к статье), высоко оценивавшими роль права в частной жизни людей. Неудивительно, что в западной науке и культуре до сих пор распространен *морально-правовой* подход к пониманию семантического антипода правды – лжи. В противоположность этому для россиян практически во все исторические периоды более типичным было *субъективно-нравственное* понимание лжи [10]. Соответственно в нашем отечестве преобладала иная точка зрения на понимание сущности правды [12, 21]. Полнее и глубже других ее выразил "типичный и гениальный представитель русского способа мышления" [18, с. 212] В.С. Соловьев.

* * *

Развернутое и основательное рассмотрение вопросов нравственной философии представлено в его книге "Оправдание добра" [24]. А.Ф. Лосев писал: "Присматриваясь ближе к этому труду Вл. Соловьева, мы видим, что своей целью философ ставит здесь определение правды, не впадая в какой бы то ни было тон наставления, проповеди или пропаганды" [17, с. 161]. На эту цель ясно указывает сам автор: "Назначение этой книги – *показать добро как правду*, то есть как единственный правый, верный путь жизни во всем и до конца – для всех, кто решится предпочесть его" [24, с. 42].

Соловьев разработал собственную концепцию правды, существенно отличающуюся от кантовской. Он соглашался с основным положением этического учения Канта: "Добродетельный человек есть человек, *каким он должен быть*" [24, с. 125]. Однако выдающийся русский мыслитель на этом не остановился и развил положение о тройственном характере должного, или нравственного, отношения: "Должное отношение не есть отношение одинаковое. Различая себя от другого, мы это другое необходимо полагаем или определяем трояко: или как *нижнее* (по существу), или как *подобное* нам (однородное), или как *высшее* нас" (там же). Отношение не будет должным, нравственным, если человек относится к себе подобному как к низшему существу (смотрит на него как на бездушную вещь) или как к высшему (видит в нем божество или предписание божественной воли). Нравственное отношение имеет место тогда, когда субъект не находит себя ни безусловно господствующим, высшим, ни подчиненным, низшим существом, а искренне считает себя средним, одним из многих.

В соответствии с тройственным характером нравственного отношения русский ученый ввел различие между правдой реальной, формальной и идеальной – для словесного выражения того, что есть, что может и что должно быть. Понятие правды объединяет в себе три основные требования нравственности, "поскольку одна и та же правда по существу своему требует различного отношения: аскетического – к низшей

природе, альтруистического – к нашим ближним и религиозного – к высшему началу" [24, с. 25].

Выделение трехкомпонентной структуры обсуждаемого феномена позволило В.С. Соловьеву не только содержательно расширить и углубить понятие правды. Использование вместо одного значения категории правды (как простого соотношения высказывания с действительностью) трех различных по смысловым оттенкам понятий дает возможность снять противоречие между кантовским пониманием лжи как безусловной противоположности правде и нравственным долгом человека (например, с помощью фактически ложной речи спасти друга, которого ищет убийца). По Соловьеву, "те философы, которые особенно настаивают на правиле "не лги", как не могущем иметь никакого исключения, впадают сами в фальшь, произвольно ограничивая значение правды (в каждом данном случае) одною ее реальною или, точнее, фактическою стороною, в *отдельности взятою*" [24, с. 134]. Ложь противоположна правде в полном смысле слова в тех случаях, когда под ложью имеют в виду противоречие не только правде реальной и формальной, но и, главным образом, правде идеальной, чисто нравственной (то есть тому, что должно быть).

Рассматривая кантовский пример с убийцей, русский философ приходит к прямо противоположному решению моральной дилеммы: в такой ситуации человек с развитым нравственным сознанием просто обязан сказать неправду, чтобы "отвести глаза" преступнику. С одной стороны, поскольку убийца тоже человек, то, казалось бы, как и любой другой член общества, он имеет право на знание истины. Следовательно, задавая вопрос, он может рассчитывать на получение точного ответа от людей, знающих истину. Однако, с другой стороны, его вопрос нельзя ограничить простым желанием знать факты: где находится тот, кого он замыслил убить. "Ведь запрос убийцы вовсе не существует как отдельный и самостоятельный акт, выражающий его любознательность насчет фактического местонахождения его жертвы: этот запрос есть только нераздельный момент в целом ряде поступков, составляющих в совокупности покушение на убийство, и утвердительный ответ вовсе не был бы исполнением общей обязанности говорить правду, а только преступным *пособничеством*, благодаря которому покушение превратилось бы в совершение убийства" [24, с. 137].

По Соловьеву, любое высказывание о человеческих делах можно понимать как правдивое только тогда, когда оно отражает поступок в его действительной целостности и собственном, внутреннем смысле. Иначе говоря, глубокое понимание поступка возможно только в том случае, когда понимающий субъект может ответить на три вопроса: *что? почему? в каких обстоятельствах?* – что именно сделал человек, каков мотив действия и условия, в которых был совершен поступок. Как отмечает Соловьев, смысл вопроса убийцы в приведенном выше примере заключается не в получении сведений, а в намерении убить человека. Поняв преступный замысел, мы не имеем ни теоретического основания, ни морального права давать преступнику информацию о местонахождении разыскиваемого. "С этой *единственно правдивой* точки зрения вопрос убийцы значит только: *помоги мне совершить убийство*, и фактически точный ответ на него, отвлекаясь от действительного смысла вопроса и придавая ему вопреки очевидности какое-то отношение к истине, был бы прямо *лжив* – с теоретической стороны, а практически означал бы только *исполнение этого преступного требования*; тогда как "отвод глаз" был бы единственным возможным способом *отказа* в этом требовании, – отказа *нравственно обязательного* не только по отношению к жертве, которой это спасает жизнь, но и по отношению к злодею, которому это дает время одуматься и отказаться от своего преступного намерения" (там же).

Таким образом, в отличие от Канта Соловьев считал, что проблему правды нельзя сводить к обязательному для всех членов общества стремлению всегда придерживаться истины в соответствии с требованиями морального долга. Трехкомпонентная

структура правды дает возможность ученым осуществлять более тонкий и дифференцированный анализ истинностных и ценностно-нормативных аспектов обсуждаемого феномена (в частности, моральных норм того или иного общества и нравственных представлений субъекта, понимающего, а также принимающего или отвергающего общепринятые нормы). Морально-правовой тип мышления Канта побуждал его искать источник высказывания человеком правды в обязанностях гражданина перед обществом, в априорном понятии долга, корни которого скрываются в необходимых и неизбежных ограничениях, которые накладывает на индивида жизнь среди людей. Например, ложные обещания несообразны с долгом, во-первых, потому, что они нарушают права других и оскорбляют человеческое достоинство; во-вторых, если все начнут давать обещания, не собираясь их выполнять, то это отрицательно повлияет на правовые основания государственного устройства.

У Соловьева тип мышления, способ обсуждения проблемы понимания правды преимущественно субъективно-нравственный. Конкретно это означает, что, как и Кант, он уделяет самое пристальное внимание внешней детерминации порождения правдивого высказывания – влиянию на высказывающего или понимающего правду человека доминирующих в обществе моральных норм и религиозных представлений. Однако решающее слово в определении того, можно ли считать правдой истинное высказывание, остается за говорящим или слушающим субъектом. Все зависит от того, сумеет ли он осознать и различить в высказывании сосуществование реальной, формальной и идеальной правды. Соответственно для ученого, изучающего индивидуальный характер понимания правды, основным способом исследования оказывается анализ сознания субъекта – нравственных представлений и когнитивной специфики решения им моральных проблем.

Взгляды обоих великих мыслителей, немецкого и русского, оказали значительное влияние на современные представления о психологических механизмах понимания правды.

* * *

В настоящее время существует по крайней мере пять различных общенаучных подходов к изучению сущности правды – аналитический, семантический, корреспондентный, когерентный и интерсубъектный [31]. В западной психологии наиболее значимым признается корреспондентный подход [30, р. 206], в соответствии с которым правда есть выражение отношения (корреспонденции) знаний человека о мире и самого мира; она порождается в процессе взаимодействия субъекта с объектом. Это так называемая "материальная правда" [30, р. 204]. Помимо материальной правды психология имеет дело и с этической, обычно изучаемой в контексте теории морального развития Л. Колберга. В психологии развития представлены пять основных тематических направлений изучения правды. Во-первых, попытки определения самого понятия. Во-вторых, поиски ответов на вопросы о том, в каком возрасте дети становятся способны говорить правду и как развивается эта способность. В-третьих, какие факторы детерминируют приписывание детьми суждениям значений правдивости или ложности. В-четвертых, какие правила и стратегии они используют, чтобы прийти к заключению о правдивости – лживости (или ложности) высказываний. В-пятых, каковы индивидуальные различия в правдивости и как научить детей всегда говорить правду [30].

В современной психологии проблема понимания правды, например, правдивого высказывания о каком-то поступке человека, не сводится к кантовскому анализу соотношения сознания субъекта, высказывающего суждение, с долгом, априорными моральными нормами. В социальном познании правдивыми считаются только такие сообщения о поведении людей, в которых отражены все три основные составляющие любого поступка – действие, его цель и внешние условия, обстоятельства, в которых человек что-то сделал (или вынужден был сделать). Следовательно, современная

трактовка проблемы отличается от позиции Канта, она более близка к точке зрения Соловьева: его трехкомпонентная структура правды точнее отражает три плоскости психологического анализа правдивых высказываний о поведении людей. Даже западные ученые, воспитанные на кантовской традиции уважения к честности и правдивости в личных и общественных отношениях, признают, что иногда человек попадает в ситуации, в которых внешние обстоятельства сильнее внутреннего морального категорического императива. В частности, С. Бок (S. Bok) пишет: "Возможно, философ Кант стал бы спорить с человеком, солгавшим гестапо о присутствии еврея в его или ее доме, но большинство из нас не стали бы этого делать" (цит. по: [33, p. 410]).

Современный научный анализ психологических механизмов понимания правды включает не только установление связи между суждением и отраженной в нем действительностью. Для психолога не менее важно выявить цель говорящего, установить степень осознания им намерения выразить определенную этическую позицию, отражающую его отношение к человеку или людям, о которых идет речь в высказывании. При этом необходимо различать истинное содержание высказывания (то есть соответствие сказанного действительности) и субъективное отражение побуждений, мотивации говорить правду в коммуникативной ситуации. Как показали психологические исследования, субъективное отражение своей цели и степени искренности может сильно зависеть от отрицания, вытеснения, рационализации – защитных механизмов личности, в разной степени осознаваемых мужчинами и женщинами [11].

Личностные факторы играют существенную роль и при формировании субъектом оценки правдивости своих или чужих суждений, основанных на воспоминании событий, происходивших в далеком прошлом. Такие оценки важны при анализе точности свидетельских показаний и биографических описаний. Очевидно, что прошлый опыт человека интегрирован в структурах личностного знания. Легкость или, наоборот, затруднения в его актуализации подвержены влиянию многих личностных факторов. Тем не менее, сегодня приходится констатировать, что наиболее интересные психологические исследования автобиографической памяти [28, 34] направлены преимущественно на анализ ее когнитивных составляющих.

Заметным научным событием в области изучения автобиографической памяти¹ стала статья У. Нейссера (U. Neisser), посвященная анализу правдивости свидетельских показаний Джона Дина, которые он давал комиссии Сената США на слушаниях по Уотергейтскому делу (цит. по: [28]). Нейссер выделил в высказываниях Дина три вида правды – дословную передачу, рассказ о сути, основном содержании происшедшего, и реэпизодическую память. Дословная передача – это буквальное воспроизведение событий без какого-либо искажения истины. Знакомство с сутью происходящего обычно вызывает у слушателей вопрос о критериях, на основании которых была сообщена одна информация и намеренно или случайно выпущена другая. Критерием адекватности, правдивости информации считается ее соответствие фреймам, сценариям и тому подобным структурам знаний субъекта. Основным признаком реэпизодической памяти заключается в том, что те эпизоды, жизненные ситуации, которые повторяются несколько раз, в целом воспроизводятся точнее, чем уникальные события. Последние имеют тенденцию к ассоциации со случайными фактами, не имеющими объективного отношения к предмету обсуждения. Как У. Нейссер, так и другие ученые обстоятельно анализируют причины искажений в свидетельских показаниях и автобиографических воспоминаниях. Однако их исследования направлены на изучение когнитивных аспектов психики человека, но отнюдь не личностных и, тем более, относящихся к категориям и ценностям нравственного сознания.

В отличие от этого в современной психологии понимания анализ сходства и различия категорий истины и правды осуществляется в контексте изучения истин-

¹ Развернутый аналитический обзор исследований автобиографической памяти представлен в статье В.В. Нурковой [23].

ностных и ценностно-смысловых компонентов знаний как психологических предпосылок и основания формирования понимания. Причины этого очевидны: для научного анализа понимания наиболее существенными являются две характеристики знания – его истинность и ценность для субъекта. В психологии понимания понятия истины и правды анализируются под углом зрения органического единства их трех основных аспектов: гносеологического (отражение, образ), аксиологического (ценность) и практического (применение истинных знаний).

Гносеологический аспект истины и правды. Истина – это категория логики и теории познания, характеризующая только соответствие знания действительности. Правда – категория психологии общения и взаимопонимания, выражающая не только соответствие знаний миру, но и степень адекватности наших оценок социальных отношений, поведения людей (например, моральных оценок)². Истинное знание отражает законы природы и общества, то есть того, *что происходит*. Правдивые сведения, отражающие закономерности поведения человека, кроме истинных знаний о том, что реально происходит, всегда включают в себя представление передающего эти сведения субъекта о том, что *должно происходить*. Истина обладает свойством обобщенности и одинаковости для всех людей, имеющих достоверное знание. Именно истинностная оценка знания является основанием универсальности, общезначимости истины: каждый, кто знает таблицу умножения, может высказать соответствующее истинное суждение. Однако истинностная оценка знания недостаточна для констатации суждений, например, о поступках людей. Правда – это такая истина, которая становится предметом личностного отношения, субъективной оценки. Оценка субъектом своего или чужого истинного суждения зависит от характера понимания им обсуждаемого поступка, его ценностно-смысловой позиции и мировоззрения. В зависимости от того, в какой контекст личностного знания включается знание о поступке другого человека, познанный истина приобретает для субъекта разный смысл. И это основная причина того, почему при осмыслении одной и той же истины возможно появление различных вариантов правды.

Таким образом, истина – это характеристика содержания знания, а правда – конкретное выражение отношения субъекта к отображенной в знании действительности, понимания ее. Вследствие этого истину мы познаем, а правду понимаем.

Аксиологический аспект. Объективно истинное знание (в частности, законов природы) обладает для субъекта определенной ценностью. Однако с точки зрения психологического анализа содержания понятий, ценность истины отличается от ценности правды. Субъект понимает как правду только те объективно истинные суждения, которые характеризуют межличностные взаимодействия, с выраженным этическим отношением человека к человеку. Этическое отношение основано на усвоенных моральных нормах и включает в себя представления о том, как следует поступать человеку, чтобы окружающие считали его добрым, ответственным, искренним и т.п. Как свидетельствует отечественная история, в нашей культуре многие считают истинность второстепенным признаком правдивости суждений о поведении людей³, а основным – их соответствие требованиям справедливости. При этом главным оказывается вопрос не о том, верно ли в суждении отражена действительность. Гораздо важнее определить, насколько оно согласуется с представлениями общающихся субъектов о правде как некотором идеале поведения, заключающемся в соответствии поступков человека требованиям морали, долга, то есть в правильном понимании и выполнении этических принципов.

Практический аспект. Истина представляет собой и результат познания, и его конечную цель. К примеру, основной целью работы ученого является получение

² Я согласен с мнением А.Л. Никифорова, что категорию истины следует применять только в методологии естествознания, а понятие правды – в методологии общественных наук [22, с. 116–117].

³ Например, Н.Д. Арутюнова пишет: "Значение истинностной оценки вторично для слова *правда*" [3, с. 16].

нового истинного знания. В классических концепциях истины последняя рассматривается как такая характеристика отношения между высказыванием и действительностью, которая включает в себя объективное знание о свойствах действительности, но не включает субъективное понимание возможностей практического применения знания [16]. В отличие от истины психологическое содержание правды всегда включает интенцию, установку субъекта так или иначе использовать правдивые сведения в коммуникативных ситуациях. Правда не является конечной целью общения и межличностного познания (за исключением случаев, когда человек поставил перед собой задачу "найти правду"). Она всегда высказывается субъектом для чего-то (например, для того чтобы дать психологическую характеристику значимого другого), то есть с определенной целью, которую партнеры по коммуникации должны адекватно понимать.

В психологии понимания есть еще одна плоскость различия между истиной и правдой, очень существенная для психологической практики. Понятие истины обычно используется для выражения соотношения высказывания, суждения, мнения с действительностью, а понятие правды – кроме того еще и с правильностью, правилами поведения, нормами. Есть целые области деятельности, где для людей важна не истинность, а обращение к иному уровню опыта, основанному на правдоподобию, правильности, непротиворечии норме. Одной из таких областей психологической практики является нейтролингвистическое программирование – НЛП. Вот, например, как определяют свои задачи признанные авторитеты в области НЛП Р. Бэндлер и Дж. Гриндер: "Мы называем себя людьми, создающими модели... Мы не имеем никакого представления о "действительной" природе вещей, и нас не очень интересует, что такое "истина". Задача моделирования – находить полезные описания. Поэтому если нам случится заявить, что нечто известно вам из научных исследований или статистики не соответствует действительности – то поймите, что здесь вам предлагается иной уровень опыта. Мы не предлагаем вам ничего истинного – только полезное" [5, с. 63].

Специалисты по НЛП, разумеется, понимают значимость истины и правды в познании и общении. Однако, как В.С. Соловьев указал на ситуации, в которых моральные ценности могут иметь приоритет над чисто познавательными, так и современные психологи обращаются к поиску новых некогнитивных и, соответственно, "неистинностных" сторон феноменологии человеческой психики. Причем, НЛП – далеко не единственная область, в которой людям не нужна истина, а достаточно правдоподобных моделей. В искусстве и психологии художественного творчества на них основано понятие художественной правды. Обратимся, например, к театру. Еще И.В. Гете говорил о том, что "правда искусства" отличается от "правды жизни". В отличие от природы и общества применительно к искусству мы называем правдой не соответствие реальности произведения, созданного творческой фантазией художника, а лишь правдоподобие художественного образа. Когда мы идем в театр, то не ожидаем, что все разыгрывающееся на сцене будет правдивым и настоящим. Однако мы стремимся к тому, чтобы все увиденное и услышанное казалось нам именно таким – правдивым и настоящим [29, S. 68]. Подлинный ценитель искусства способен увидеть в произведении мастера не только правдоподобие образа: он вживается в мир, развивающийся по своим собственным законам, и как бы воспаряет над грешной землей. Согласно Гете, в этом проявляется то, что зритель называет художественной правдой [29].

Наконец, важным практическим аспектом понимания правды является проблема ее принятия: наличия или отсутствия у человека желания знать истинное положение дел. Осознанное или неосознаваемое субъектом отвержение фактов приводит к непониманию правдивых суждений о них. К примеру, в начале восьмидесятых годов рассказы "афганцев" о том, что на территории соседней страны они участвовали в настоящих боевых действиях, а не обычных учениях, нередко воспринимались неволевавшими людьми как фантазии, преувеличения, вымыслы. Сегодня эта проблема оказывается

особенно значимой в биоэтике и медицинской психологии. Мотивация, интенция является одним из необходимых компонентов понимания, называемым в психологии понимания аффективно-интенциональным [32]. В этой связи чрезвычайно интересным представляется вопрос о том, какие индивидуально-личностные и социально-демографические факторы влияют на желание или нежелание субъекта знать правду. Частичный ответ на этот вопрос можно найти в социологических опросах на тему "Если состояние пациента безнадежно, имеет ли он право знать всю правду о состоянии своего здоровья, или врач должен решать, что именно сообщать пациенту?" [7]. Оказывается, что ответы "пациент имеет право знать правду" и "врач должен решать, что именно сообщать больному" зависят от возраста опрашиваемых, пола, образования, уровня доходов. При постановке вопроса в заостренной форме ("Если бы это касалось лично Вас, хотели бы Вы узнать всю правду о состоянии своего здоровья?") правду желают знать относительно большее число мужчин, чем женщин; молодых людей, чем пожилых; высокообразованных, чем малообразованных; жителей больших городов, чем живущих в деревне [7].

Такие данные очень интересны, но они не дают ответа на вопрос: почему одни люди ходят знать правду, а другие нет? Однако одна причина очевидна – ориентация разных социальных групп и даже народов на два принципиально различные, полярные типа этики. Первый тип – персоналистическая, индивидуалистская этика. Она характерна для стран с длительной традицией демократии, с присущим ей плюрализмом и особым значением личной ответственности. Второй тип – этика групповой солидарности, коллективизма, отказывающаяся индивидуальному "Я" в праве определять собственное поведение, судьбу, и отвечать за свои поступки. Вопрос о личной ответственности имеет смысл только тогда, когда человек обладает правдивыми сведениями об условиях своего существования. В противном случае свобода субъекта, возможности принятия им правильных решений ограничиваются; соответственно ответственность за многое из того, что с ним происходит, ложится на общественные институты.

Преимущественная ориентация на разные типы этических систем отчетливо проявляется у жителей Западной и Восточной Европы. В недавно опубликованной статье И. Марковой [20] сравнивались ответы шотландцев и словаков на вопрос о том, должна ли сохраняться врачебная тайна в том случае, если больной или больная СПИДом является безответственным человеком, неразборчивым в связях, не использующим мер предосторожности и потому распространяющим вирус? Испытуемые из шотландской выборки после обсуждения проблемы пришли к заключению, что врачебная тайна является правом, которое не может быть оспорено. Они утверждали, что нарушение тайны означало бы создание "колонии прокаженных", и что "это – вопрос медицинского просвещения, а не изоляции больных. Это заболевание нельзя изолировать" [20, с. 64]. Смысл высказываний словаков сводился к необходимости защитить общество. Если человек распространяет болезнь, то он нарушает закон: почему тогда врач должен соблюдать конфиденциальность? Очевидно, что жители Западной Европы при принятии решения, как и Кант, ориентировались прежде всего на правовые аспекты проблемы. Испытуемые из восточноевропейской выборки руководствовались преимущественно морально-нравственными критериями: можно предположить, что В.С. Соловьев дал бы такой же ответ на обсуждаемый вопрос.

Когда статьи с описаниями результатов подобных исследований попадают в руки психолога, то у него сразу же возникают различные предположения о необходимости проведения дополнительного изучения личностных качеств респондентов. В частности, вполне вероятно, что статистически значимое большинство субъектов с выраженной интернальностью личности захотят знать правду о неблагоприятном прогнозе своего заболевания, в то время как число таких людей среди экстерналов будет небольшим. Интересно было бы узнать, различаются ли по склонности знать горькую правду субъекты с различными личностными типами мышления. И таких вопросов можно поставить немало.

В статье представлены как историко-научные традиции в изучении проблемы понимания правды, так и тенденции современных исследований. И история, и современность предоставляют психологам много материала для размышлений и дальнейших исследований.

И. Кант поставил проблему понимания правды как проблему соответствия суждений о поступках людей не столько тому, каковы эти поступки в действительности, сколько тому, какими они должны, обязаны быть, чтобы не противоречить правовым и моральным нормам. Правда всегда выражает как то, что есть, так и то, что должно быть.

В.С. Соловьев пошел дальше и осуществил более дифференцированный анализ обсуждаемого феномена. Он выделил трехкомпонентную его структуру – правду реальную, формальную и идеальную. Основное внимание он уделил рассмотрению правды как категории нравственного сознания.

Современные научные представления о психологических механизмах понимания правды основаны на анализе и развитии идей обоих великих мыслителей. В психологии понимания понятие правды анализируется под углом зрения единства их трех основных аспектов: гносеологического, аксиологического и практического. При гносеологическом ракурсе рассмотрения проблемы правда выступает как должное отношение субъекта к социальному миру. Аксиологический анализ обнаруживает, что правда – это такая категория нравственного сознания, которая характеризует этическое отношение человека к человеку. Практический угол зрения на проблему показывает, что правда является необходимым компонентом общения и взаимопонимания людей. Нередко правдивость суждения о чем-либо поступке формируется главным образом на основе его соответствия ("правильности") общепринятым нормам поведения людей. При этом истинность сказанного как бы отодвигается на задний план сознания субъекта, высказывающего или воспринимающего суждение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин А. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М., 1991.
2. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты и истинность / Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 6–39.
3. Арутюнова Н.Д. Истина и этика / Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 7–23.
4. Белякова Е.Г. Психологические особенности развития правдивости при переходе из подросткового в юношеский возраст. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1995.
5. Бэндлер Р., Гриндер Дж. Из лягушек – в принцы. Нейролингвистическое программирование. Новосибирск, 1992.
6. Введенский А.И. Условие позволительности веры в смысл жизни / Смысл жизни в русской философии. С-Пб., 1995.
7. Гудков Л.Д., Юдин Б.Г. Медицинская этика и право на информацию // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 127–132.
8. Гулыга А.В. Кант. М., 1977.
9. Знаков В.В. Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М., 1993.
10. Знаков В.В. Почему лгут русские и американцы: размышления российского психолога над книгой Пола Экмана // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 84–92.
11. Знаков В.В. Половые различия в понимании неправды, лжи и обмана // Психологический журнал. 1997. Том 18. № 1. С. 38–49.
12. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993.
13. Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 6-ти т. М., 1964. Т. 3.
14. Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
15. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. С-Пб., 1995.

16. Липский Б.И. Практическая природа истины. Л., 1988.
17. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990.
18. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
19. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991.
20. Маркова И. Социальные репрезентации демократии в обыденном и рефлексивном мышлении // Психологический журнал. 1996. Том 17. № 5. С. 56–68.
21. Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде. Соч. в 6-ти т. С-Пб., 1897. Т. 4.
22. Никифоров А.Л. Революция в теории познания? // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 113–117.
23. Нуркова В.В. Автобиографическая память как проблема психологического исследования // Психологический журнал. 1996. Том 17. № 2. С. 16–29.
24. Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 1996.
25. Современные зарубежные исследования философии Канта. М., 1975.
26. Augustinus A. Die Luge und Gegen Luge. Wurzburg, 1986.
27. Bok S. Kant's arguments in support of the maxim "Do what is right though the world should perish" // Argumentation: Lying. 1988. V. 2. № 1. P. 7–25.
28. Edwards D., Potter J. The chancellor's memory: Rhetoric and truth in discursive remembering // Applied cognitive psychology. 1992. V. 6. № 1. P. 187–215.
29. Goethe I.W. Über Wahrheit und Wahrscheinlichkeit der Kunstwerke / Goethes Werke in zwölf Bänden. Berlin und Weimar, 1974. Bd. 11. S. 67–74.
30. Laak ter J.J.F. Development of concept of truth and lying: A developmental task / Developmental task: Towards a cultural analysis of human development. Dordrecht at al. 1994. P. 303–324.
31. Puntel L.B. Wahrheitstheorien in der neueren Philosophie. Eine kritisch-systematische Darsstellung. Darmstadt, 1978.
32. Rosemann B., Kerres M. Interpersonales Wahrnehmen und Verstehen. Bern u.a., 1986.
33. Saxe L. Lying: Thoughts of an applied psychologist // American Psychologist. 1991. V. 46. № 4. P. 409–415.
34. Wagenaar W.A., Groeneweg J. The memory of concentration camp survivors // Applied cognitive psychology. 1990. V. 4. № 1. P. 77–87.